

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АРХЕТИПЫ КАК ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ

Ю.М. ТХАГАЗИТОВ¹, Т.З. ТОЛГУРОВ², К.Ф. КРАЙ²

¹ Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук
360000, Россия, Нальчик, ул. Пушкина, 18

² Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук
360002, Россия, Нальчик, ул. Балкарова, 2

Аннотация. Статья посвящена проблеме гносеологических ресурсов эстетического мышления и вопросам специфики информационной архитектуры художественных представлений. Авторы утверждают, что данные, необходимые для формирования парадигмально полного художественного образа, распределены на различных коммутирующих уровнях отражения, обладают механизмами селекции релевантной информации и функционируют в составе особой системы взаимной коррекции: условно – «ярусная информационная матрица». Контент различных уровней отражения в составе информационной матрицы находится в состоянии взаимных корреляций, что обеспечивает релевантность обрабатываемой в акте восприятия и коммуникации информации. С другой стороны, ярусная архитектура эстетических представлений предполагает связи между виртуальными (формализуемыми) объектами не только на понятийно-рациональном уровне, но и на всех остальных уровнях восприятия. В статье постулируется необходимость формализации информации разных уровней отражения путем структуризации ее в пределах единой матрицы, что, по мнению авторов исследования, позволит приблизиться к решению нескольких фундаментальных задач, локализованных в сфере искусственного интеллекта, в том числе к решению задачи создания систем машинного перевода художественных текстов.

Ключевые слова: архетип, художественный образ, информационный контент, имитация, алгоритм, отражение, уровни рефлексии, сензитивный, семантика, апперцепция, эстетический

Статья поступила в редакцию 08.11.2021

Принята к публикации 14.12.2021

Для цитирования. Тхагазитов Ю.М., Толгуров Т.З., Край К.Ф. Художественные образы и эстетические архетипы как информационные системы // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 6 (104). С. 251–259. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-6-104-251-259

ВВЕДЕНИЕ

Понимание творческого процесса как одного из способов осознания и идентификации окружающего давно утвердилось в гуманитарных науках, в отношении художественной словесности подобный подход воспринимается в качестве безусловного. Ни один период развития человеческой цивилизации не выдвинул альтернативного понимания гносеологической сути эстетического мышления; поправки, вносившиеся в понимание художественного отражения с религиозных позиций, принципиальных изменений в мутуализм «разум человека – природа» не произвели и фактически лишь номинально меняли вторую часть системы.

Эволюция логических и рациональных видов человеческого сознания напрямую зависела от рекреативного опыта человеческих популяций и в сущности является интеллектуальной интерпретацией цивилизационных достижений – изначально в их производственной сфере, затем – в духовной. Материальная, точнее воспроизводственная, причинность

развития понятийно-логических структур коллективного сознания априори предполагается зависящей от актуальных витальных практик общества, равным образом научное знание видится своеобразной экстраполяцией (иногда – опережающей) этих практик на абстрактные уровни отражения окружающего.

Информационный контент иного происхождения определялся в качестве недостоверного и во всех случаях недостаточного по своему гносеологическому статусу. В координатах научного мышления подобное положение вещей впервые было подвергнуто сомнению лишь на рубеже XIX–XX веков в трудах Э. Маха [1, с. 304].

Взгляды последнего, отвергнутые сторонниками детерминизма в его классическом понимании, были реанимированы уже во второй половине XX века, что четко следует из высказываний, например, И. Пригожина: «Учет ограничений, обусловленных нашим действием на природу, стал существенным элементом прогресса» [2, с. 215–216].

Роль наблюдателя в квантовой механике неоднократно обсуждалась в литературе за последние 50 лет. Как бы ни развивались события в дальнейшем, роль наблюдателя существенна. Наивный реализм классической физики, исходивший из предположения о том, что «свойства материи не зависят от измерительного прибора, подлежал критическому пересмотру» [Там же]. Схожую точку зрения высказывали за сотни лет до появления Брюссельской школы («...вещи мыслятся нами большею частью в отношении к нашему собственному телу, а не в отношении к их истинной природе...» [3, с. 98]), однако до формулировок Л. Больцмана и Э. Маха никто в столь явной форме не поставил знака равенства между реальным явлением и его умозраительной интерпретацией.

При этом художественное сознание признавалось абсолютно ненаучным, то есть неспособным к детерминативному познанию окружающего. С другой стороны, противниками материалистического подхода эстетическая рефлексия трактовалась и как априорное знание, имеющее божественное происхождение [4, с. 186–187].

В ситуации мировоззренческого кризиса, сформировавшегося благодаря новому уровню проникновения в Универсум естественно-научного сознания – что само по себе воспринимается парадоксом – способы осмысления окружающего, альтернативные абстрактно-понятийной рефлексии, точнее проблема их освоения и развития, видятся особенно актуальными.

К ПРОБЛЕМЕ СПЕЦИФИКИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ И ЕГО ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

В течение шести сотен лет, отделяющих нас от Николая Кузанского, принципиально новых гипотез о гносеологической сущности эстетического отражения сформулировано не было [5, с. 45]. Творческое, художественное начало идентифицировалось как исключительно нерациональное явление, не подлежащее анализу в силу своей нечленимости и функциональности онтологического происхождения. При этом преимущественно техногенное и социальное эволюционное движение человеческого общества привело к практически полному отказу от попыток осмысления эстетического восприятия в детерминативном ключе, в форме, допускающей выяснение каких-либо четких соотношений и упорядоченных взаимодействий между информационными компонентами художественного представления.

Естественно-научное и математическое мышление, получившее статус доминирующего в гносеологической инструментарии человечества в последние несколько веков, – по крайней мере, с эпохи Возрождения – вполне успешно справлялось с ролью основного и даже единственного движителя процесса познания вплоть до относительно недавнего времени. Однако за несколько последних десятилетий прошедшего столетия обнаружился некий горизонт предельной действенности так называемого рационального сознания, если быть более точным – тех видов и способов отражения окружающего, которые базируются на видимой детерминативности и причинно-следственных связях.

Физика, как наука в большей степени ответственная за наши представления об окружающем, подошла к порогу развития, за которым начинается сфера вероятностных толко-

ваний явлений и процессов Универсума. Причем интерпретации устройства такового производятся с вынужденным допущением в предлагаемые картины сугубо конвенциональных сущностей либо пограничных условий – как это происходит в некоторых вариантах объяснения парадокса ЭПР [6]. Или как это вытекает из приведенной выше мысли И. Пригожина с признанием системной хаотичности Вселенной и отсутствием жесткой каузальности событий, несоответствием самих инструментальных возможностей человеческого разума реальному миру. Надо сказать, что подобная оценка интеллекта и способности вида *Homo Sapiens* мыслить находит своих сторонников и как минимум не воспринимается в качестве эпатажной.

К слову, сомнению подвергается даже такая элементарная функция, как построение пространственных, координатных представлений – тех характеристик окружающего, которые, вне всякого сомнения, играли важнейшую роль в выживании членов примитивных сообществ [7, с. 40].

При этом, несмотря на явные проблемы гносеологии естественно-научного характера, гуманитарной сфере в возможностях познания Универсума отказывается, в сущности, за ней признается исключительно классификационная функция – в основном по причине «субъективного» происхождения ее контента. Между тем современные воззрения на природу наших знаний об окружающем мире вполне допускают существование информации [8, 9, 10], лишенной реальных материальных носителей, что автоматически ставит под вопрос исключительность точных и экспериментальных методов обнаружения и фиксации данных. И надо сказать, что человек не отказывался от подобного научного «идеализма» на протяжении практически всей истории развития знания о мироздании; к средним векам формулировки подобного подхода практически приобрели свое современное семантическое содержание [11, с. 17–18].

Следует признать, что история поступательного движения общества, его технологий и знаний об окружающем свидетельствуют: любая качественная модификация последних, любой новый сущностный опыт осмысления Универсума не просто сопровождается, но часто опережается соответствующими прогрессивными изменениями в сфере художественного сознания, иногда в буквальном описании будущих открытий и гипотез естественных и точных наук. Это при том, что информационные коммутации между сферами эстетического и научного сознания видятся лишь в границах витальных потребностей общества, а следовательно, в традиционном режиме безусловного гносеологического приоритета сциентического подхода [12].

Тем не менее и подобная позиция совершенно не означает полного отказа от гипотезирования взаимовлияний художественного воображения и научного сознания. Попытки исчерпывающего объяснения случаев превентивного моделирования эстетическим мышлением непознанных наукой объектов неочевидными потребностями систем воспроизводства не выдерживают никакой критики, так как чаще всего подобные прорывы гносеологического плана вообще никак не связаны с актуальными потребностями общества. Это относится как к хрестоматийным примерам – таким, как формулировки атомарной теории Титом Лукрецием Каром, так и к менее известным образным картинам В. Хлебникова, представляющего звезды «проколами» в пространственном континууме Вселенной. Надо сказать, что, по всей видимости, явление превентивного моделирования объектов оценивалось научным миром как сугубо случайное – сам механизм процесса лежит на поверхности и ничего архисложного из себя не представляет [13, с. 49–50].

Существенным является то, что субъективно акт идентификации объекта, точнее создания его рефлексивного подобия в мозгу человека, происходит единовременно, рефлектирующий индивидуум не имеет возможности дифференцированно воспринимать и обрабатывать потоки информации разных уровней отражения. Более того, именно подобная апперцептивная монолитность обеспечивает эстетическое качество создаваемого образа, его суггестивную потенцию и достоверность [14].

Иначе говоря, художественная значимость иллюзорных (виртуальных) представлений сродни восприятию и реакциям мозга человека на таковые в действительности – факт известный, объясняемый реликтовым присутствием архаичных форм фиксации и обработки внешних данных [15, с. 595–596]. Из этого следует, во-первых, что эстетическое сознание имеет инструменты отбора релевантной информации [16, 17, 18] и, во-вторых, что более существенно, художественные представления не могут актуализироваться на каком-то одном уровне отражения. Иллюзия реальности, получаемая при восприятии образа эстетически значимого сообщения, обусловлена единовременным восприятием данных, как минимум, на трех уровнях рефлексии – рациональном, эмоциональном и сензитивно-чувственном.

В принципе даже элементарная логика подсказывает нам, что именно ярусное представление об объекте или процессе может представлять проблему при попытке разложить его на составляющие, в конечном итоге – интерпретировать его как последовательность двоичных чисел. Любые одноуровневые последовательности характеристик могут быть сложны и громоздки, однако в каждом случае таковые всегда могут быть зафиксированы и исчислены. Между тем художественные образы (а их мы априори признаем типологически едиными с реальным восприятием человека) не поддаются – по крайней мере на сегодняшний день – формализации [19, 20].

Однако существует несколько очевидных и бесспорных обстоятельств, позволяющих воспроизвести процесс восприятия и освоения объекта внешнего мира – пусть даже не прямо и буквально, но хотя бы в границах близкой имитации.

Эволюция способов идентификации объектов шла от сензитивных, чувственных ощущений непосредственного контакта к хронологически дистанцированным эмотивным мнемоническим слепкам [21, с. 165]. Затем – с сохранением предыдущей семантики магического и мифического плана – к традиционно оговоренным значениям словесных описаний, и лишь на последнем этапе развития когнитивного аппарата возникает инструментальный абстрактного осмысления объектов внешнего мира.

В процессе прохождения данного эволюционного пути любой идентифицируемый объект сохраняет всю информацию, начиная от непосредственных ощущений и заканчивая категориальными обобщениями [22, с. 61–63]. Однако базой мыслительных операций являются нижние слои информации, выполняющие серверные функции ассоциативной поддержки и обеспечивающие варибельность семантического содержания формант высших уровней.

Понятно, что без учета информации ассоциативного ореола попытки воссоздания процесса мышления обречены на провал – именно колебания возможного смысла, обусловленные «приблизительной» информацией нижних ярусов отражения, обеспечивают возможность аутоэргономического развития связанных между собой информационных элементов в различных направлениях [23, с. 120–121] – унифицированность переходов от одних узловых пунктов мыслительных цепей к последующим превращает акт осмысления в простую реакцию содержательной системы на внешнее воздействие, что уже давно реализовано в различных математических моделях эволюции типа игры Конвея «Жизнь». И принципиальная невозможность придания моделям, осуществленным на абстрактно-понятийных уровнях фиксации информации, хотя бы подобия свободного (внутреннего, обеспеченного внутренним состоянием системы) выбора дальнейших векторов эволюционирования представляет собой обстоятельство, делающее создание даже грубой модели искусственного разума крайне затруднительным.

На сегодняшний день эта возможность видится весьма эфемерной: операции с абстрактно-понятийными коммуникативными формантами не могут представлять собой ничего иного, как жесткие невариабельные алгоритмы, в обязательном порядке задающие характер реакции предполагаемых моделей на любую поступающую информацию, попытки же внести в модель знание об иных (не абстрактных) умопостигаемых качествах объектов наталкиваются, во-первых, на несовершенство или полное отсутствие техниче-

ских средств фиксации сензитивной информации и трансляции ее «внутри» гипотетической модели, во-вторых, на отсутствие действенных методов селекции этой информации и ее расположения в «мыслительном» модуле в функциональном порядке, предполагающем правильную расстановку приоритетов в ее обработке в автоматическом режиме, точнее, в режиме свободного выбора самой моделью искусственного разума.

Однако и первая, и вторая проблемы могут быть решены в границах инверсивного подхода. Мы не можем обеспечить гипотетический мыслительный орган сензитивной информацией, мы не можем воссоздать процесс ее перехода на более высокие уровни обобщения, но мы знаем конечный и промежуточные результаты, сохраненные в текстах – фольклорных и художественных авторских.

Отследив цепочки трансформаций описаний объекта, возможно реконструировать всю эволюционную линию определенного стабильного образа, проходящего в качестве постоянной универсалии через тексты определенной этнической принадлежности, и выстроить некий информационный модуль данного объекта. Взяв за начальную точку автологическое, понятийное содержание литературного образа, придется «спускаться» вниз к эмоциональным и сензитивным уровням отражения.

Понятно, что полного соответствия всего богатства смыслов литературного объекта и содержания сконструированного таким образом модуля мы не добьемся, но получим модель информационного механизма, уточнение и детализация которого будет уже чисто «технологической» проблемой. Совокупность же информационных модулей может быть сведена в единую уровневую матрицу, в составе которой будет происходить уточнение и дополнение смыслов ее компонентов.

Как будет работать подобная уровневая (ярусная) информационная матрица? В отличие от реального литературного образа она будет лишена многих уровней хранения и обработки информации. Оптимальным и достаточным будет формирование матрицы на трех уровнях отражения – понятийном, эмоциональном и сензитивном, попытка подключения интонационных, синэстетических, мелодических и иных каналов поступления данных – не говоря уже о вполне вероятных не учитываемых – сделает обсчет модели неподъемно громоздким. Состав модулей также следует ограничить, избрав для анализа часть гипотезируемой информационной матрицы, состоящей из ограниченного количества словесных объектов, связи между которыми можно будет считать очевидными. При этом для простоты анализа будет желательным избрать один из модулей центральным и выстраивать остальные в привязке к его значениям и семантике. Также видится целесообразным на первых этапах моделирования информационной матрицы пользоваться не просто главными витальными паттернами, а устойчивыми архетипами, закрепленными в фольклоре и литературе народа. Это позволит вычленивать основные элементы семантики, включая уникально-авторские, а главное – отследить связи с соседними и вообще контактирующими модулями в наиболее достоверной, обкатанной в сознании народа форме.

Например, архетип «одиноким всадник», занимающий значимое место в культуре всех народов Северного Кавказа. Располагаем на первой смысловой горизонтали (ярусе) его синонимические варианты – «воин», «верховой», «конник», «лучник» и другие. Каждый из вариантов образует стержень информационного модуля со своими ассоциативными секторами на каждом из уровней – понятийном, эмоциональном, сензитивном.

Все уровни отражения поделены на зоны близости и сектора ассоциативности, образуя, таким образом, поля ассоциативного родства (ПАР). Полная информация «одиноким всадника» на трех ярусах отражения будет складываться из информации зон и секторов самого рассматриваемого архетипа из зон и секторов близкородственных вариантов, зон и секторов ассоциированных, находящихся на удалении от стержневого понятия, наполнение которых будет зависеть от их непосредственной локализации в матрице.

То есть «одиноким всадник» + сумма его эмоциональных определений + сензитивные качества. Всем полям ассоциативного родства присваивается определенное цифровое зна-

чение, отражающее положение поля на ярусе отражения, его удаление от стержня модуля, ориентацию сектора на ярусе отражения. По такой же системе вычисляются значения ПАР соседних синонимических вариантов, проецируемые на значение «одинокий всадник». Естественно, экстраполяция семантики с соседних модулей должна сопровождаться присвоением неких понижающих коэффициентов, вполне вероятно зависящих напрямую от конфигурации триангуляционных фигур, получаемых при локализации различных модулей и выяснении их связей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание цифрового варианта ярусной информационной матрицы, включающей в себя даже два модуля, представляется делом весьма громоздким и трудоемким; во-вторых, выстроенная таким образом матрица будет недопустимо грубой моделью реальной матрицы, используемой человеческим мозгом. Однако, как уже говорилось, процесс дальнейшего уточнения матрицы будет чисто «технологическим» и одновременно приблизит ее содержание к реальному речевому прототипу.

Создание объектной матрицы должно сопровождаться формированием процессуальной модели, фиксирующей и гипотезирующей действия описываемых объектов по отношению друг к другу. Думается, что таковая, даже в случае своей исключительной объемности, не будет представлять ничего особо сложного в смысле новационности и оригинальности решений. Реперным положительным результатом совмещения информационной ярусной матрицы и модели процессуального взаимодействия может быть явно выраженный не заданный результат, схожий с эффектом восприятия простейших фраз при наблюдаемых информационных отклонениях от начальных условий, например, «Мама мыла раму» (как известно, картина, сопровождающая данную фразу, лишь в редчайших случаях представляет «мытьё рамы», в действительности это, как правило, образ женщины, моющей окно, даже – оконное стекло).

ВЫВОДЫ

Создание ярусной информационной матрицы откроет пути решения нескольких значимых проблем. В частности, она может быть положена в основу более действенной и простой в употреблении поисковой системы в сети. При достаточном уровне детализации ярусная матрица способна послужить базой программ-переводчиков, которые учитывали бы специфику образного мышления различных народов. Все большее и большее приближение информационного объема виртуальной матрицы к ее реальному речевому аналогу позволит с высокой точностью определять информационные лакуны языка, не позволяющие ему полноценно охватывать и отражать наблюдаемое. В настоящий момент функциональная недостаточность ощущается лишь интуитивно и эмпирически, а сами формализуемые матрицы могут выступать в качестве маркеров общего содержания, в качестве сигнальной информации [24, с. 109]. Последнее в свою очередь позволит заполнять указанные лакуны в режиме точечной коррекции – путем внесения в язык неологизмов, оживления гаптаксов, заимствования из близкородственных языков либо методом обогащения существующих лексем дополнительными смысловыми оттенками. Конечным итогом разработки ярусной информационной матрицы должно стать создание системы машинного перевода, в более общем виде – системы имитации мышления, если не дублирующей человеческое, то в основных компонентах аналогичной ему, а главное – способной к самостоятельному анализу и принятию решений, хотя бы простейших.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. Москва: Территория будущего, 2005. 304 с.
2. Пригожин И.Р. От существующего к возникающему. Москва: Наука, 1985. 327 с.

3. Толанд Д. Избранные сочинения. Письма к Серене. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1927.
4. Платон. Федр. Собрание сочинений в 3-х т. Т. 2. Москва: Мысль, 1970.
5. Кузанский Н. О видении бога. Собрание сочинений в 2-х томах. Т. 2. Москва: Мысль, 1980.
6. Вижье Ж.-П. Доклад о парадоксе Эйнштейна – Подольского – Розена. Проблемы физики: классика и современность. Москва: Мир, 1982.
7. Рейхенбах Ганс. Философия пространства и времени. Москва: Прогресс, 1985.
8. Петрушенко Л.А. Самодвижение материи в свете кибернетики. Москва: Наука, 1971.
9. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. Москва: Владос, 1994.
10. Егоров В.С. Философский реализм. Москва: Самиздат, 1994.
11. Аль-Фараби. О разуме и науке. О значениях слова разум. Алма-Ата: Наука, 1975.
12. Кодуэлл Кристофер. Иллюзия и действительность. Москва: Прогресс, 1969.
13. Толгуров Т.З. Эволюция тканевых образных структур в новописьменных поэтических системах Северного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2004.
14. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. Москва: Прогресс, 1979.
15. Арnaudов М.П. Психология литературного творчества. Москва: Прогресс, 1970.
16. Андреев А.Л. Художественный образ и гносеологическая специфика искусства. Москва: Наука, 1981.
17. Оганов А.А. Логика художественного отражения. Москва: Искусство, 1972.
18. Чуприкова Н.И. Слово как фактор управления в высшей нервной деятельности человека. Москва: Просвещение, 1967.
19. Анохин П.К. Точки над «i». Возможное и невозможное в кибернетике. Москва: Наука, 1963.
20. Заде Л.А. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. Москва: Мир, 1976.
21. Савостьянов Е.И. Теория отражения и художественное творчество. Марксистско-ленинская эстетика и художественное творчество. Москва: Прогресс, 1980.
22. Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. Москва: МГУ, 1980. С. 61–63.
23. Стернин И.А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3 (45). С. 120–121.
24. Кочеткова Н.С., Ревина Е.В. Особенности машинного перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–2 (72). С. 106–109.

Информация об авторах

Тхагазитов Юрий Мухамедович, д-р филол. наук, вед. науч. сотр. сектора кабардино-черкесской литературы, Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН;

360000, Россия, Нальчик, ул. Пушкина, 18;

yutkhag@gmail.com, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

Толгуров Тахир Зейтунович, д-р филол. наук, зав. научно-инновационном центром «Интеллектуальные филологические системы», Кабардино-Балкарский научный центр РАН;

360002, Россия, Нальчик, ул. Балкарова, 2;

kangaur64@yandex.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6208-9678>

Край Карина Фаезовна, мл. науч. сотр. научно-инновационного центра «Интеллектуальные филологические системы», Кабардино-Балкарский научный центр РАН;

360002, Россия, Нальчик, ул. Балкарова, 2;

kraykarina@mail.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6927-7361>

REFERENCES

1. Makh E. *Analiz oshchushcheniy i otnosheniye fizicheskogo k psikhicheskomu* [Analysis of sense feelings and the relationship of the physical to the mental]. Moscow: Territory of the future, 2005. 304 p. (In Russian)
2. Prigogine I.R. *Ot sushchestvuyushchego k voznikayushchemu* [From existing to emerging]. Moscow: Nauka, 1985. 327 p. (In Russian)
3. Toland D. *Izbrannyye sochineniya. Pis'ma k Serene* [Selected Works. Letters to Serena]. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1927. (In Russian)
4. Platon. *Fedr. Sobraniye sochineniy v 3-kh tomakh. Tom 2* [Phaedrus. Collected works in 3 volumes. Vol. 2]. Moscow: Mysl', 1970. (In Russian)
5. Kuzansky N. *O videnii boga. Sobraniye sochineniy v 2-kh tomakh. Tom 2* [About the vision of God. Collected works in 2 volumes. Vol. 2.]. Moscow: Mysl', 1980. (In Russian)
6. Vigier J.-P. Report on the Einstein-Podolsky-Rosen paradox. *Problemy fiziki: klassika i sovremennost'* [Problems of Physics: Classics and Modernity]. Moscow: Mir, 1982. (In Russian)
7. Reichenbach Hans. *Filosofiya prostranstva i vremeni* [Philosophy of space and time]. Moscow: Progress, 1985. (In Russian)
8. Petrushenko L.A. *Samodvizheniye materii v svete kibernetiki* [Self-motion of matter in the light of cybernetics]. Moscow: Nauka, 1971. (In Russian)
9. Abdeev R.F. *Filosofiya informatsionnoy tsivilizatsii* [Philosophy of information civilization]. Moscow: Vlados, 1994. (In Russian)
10. Egorov V.S. *Filosofskiy realizm* [Philosophical realism]. Moscow: Samizdat, 1994. (In Russian)
11. Al-Farabi. *O razume i nauke. O znacheniyakh slova razum* [About reason and science. On the meanings of the word reason]. Alma-Ata: Nauka, 1975. (In Russian)
12. Caudwell Christopher. *Illyuziya i deystvitel'nost'* [Illusion and reality]. Moscow: Progress, 1969. (In Russian)
13. Tolgurov T.Z. *Evolyutsiya tkanevykh obraznykh struktur v novopis'mennykh poeticheskikh sistemakh Severnogo Kavkaza* [Evolution of tissue figurative structures in the newly written poetic systems of the North Caucasus]. Nalchik: El'-Fa, 2004. (In Russian)
14. Reikovskiy J. *Ekspperimental'naya psikhologiya emotsiy* [Experimental psychology of emotions]. Moscow: Progress, 1979. (In Russian)
15. Arnaudov M.P. *Psikhologiya literaturnogo tvorchestva* [Psychology of literary creativity]. Moscow: Progress, 1970. (In Russian)
16. Andreev A.L. *Khudozhestvennyy obraz i gnoseologicheskaya spetsifika iskusstva* [Artistic image and gnoseological specificity of art]. Moscow: Nauka, 1981. (In Russian)
17. Oganov A.A. *Logika khudozhestvennogo otrazheniya* [The logic of artistic reflection]. Moscow: Art, 1972. (In Russian)
18. Chuprikova N.I. *Slovo kak faktor upravleniya v vysshey nervnoy deyatel'nosti cheloveka* [Word as a control factor in the higher nervous activity of a person]. Moscow: Education, 1967. (In Russian)
19. Anokhin P.K. *Tochki nad «i». Vozmozhnoye i nevozmozhnoye v kibernetike* [Dots above the "i". Possible and Impossible in Cybernetics]. Moscow: Nauka, 1963. (In Russian)
20. Zade L.A. *Ponyatiye lingvisticheskoy peremennoy i yego primeneniye k priblizhennykh resheniy* [The concept of a linguistic variable and its application to making approximate decisions]. Moscow: Mir, 1976. (In Russian)
21. Savostyanov E.I. *Teoriya otrazheniya i khudozhestvennoye tvorchestvo. Marksistsko-leninskaya estetika i khudozhestvennoye tvorchestvo* [Reflection theory and artistic creation. Marxist-Leninist aesthetics and artistic creation]. Moscow: Progress, 1980. (In Russian)
22. Vasiliev I.A., Popluzhny V.L., Tikhomirov O.K. *Emotsii i myshleniye* [Emotions and thinking]. Moscow: MGU, 1980. Pp. 61–63. (In Russian)

23. Sternin I.A. Problems of interpretation of the results of associative experiments. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of psycholinguistics]. 2020. No. 3 (45). Pp. 120–121. (In Russian)

24. Kochetkova N.S., Revina E.V. Features of machine translation. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2017. No. 6-2 (72). P. 106–109. (In Russian)

Original article

ARTISTIC IMAGES AND AESTHETIC ARCHETYPES AS INFORMATION SYSTEMS

Yu.M. TKHAGAZITOV¹, T.Z. TOLGUROV², K.F. KRAI²

¹ Institute of Humanitarian Researches –
branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street

² Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
360002, Russia, Nalchik, 2 Balkarov street

Abstract. Article is devoted to the problem of epistemological resources of aesthetic thinking and the specifics of the information architecture of artistic representations. The authors argue that the data necessary for the formation of a paradigmally complete artistic image are distributed at various commuting levels of reflection, have mechanisms for selecting relevant information and function as part of a special system of mutual correction: conventionally - "tiered information matrix". The article postulates the need to formalize information of different levels of reflection by structuring it within a single matrix, which, according to the authors of the study, will make it possible to approach the solution of several fundamental problems, localized in the field of artificial intelligence, including solving the problem of creating systems of machine translation of literary texts.

Keywords: archetype, artistic image, information content, imitation, algorithm, reflection, levels of reflection, sensitive, semantics, apperception, aesthetic

The article was submitted 08.11.2021

Accepted for publication 14.12.2021

For citation. Tkhagazitov Yu.M., Tolgurov T.Z., Krai K.F. Artistic images and aesthetic archetypes as information systems. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS.* 2021. № 6 (104). Pp. 251–259. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-6-104-251-259

Information about the authors

Tkhagazitov Yuri Mukhamedovich, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of the Sector of Kabardino-Circassian Literature, Institute of Humanitarian Researches – branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;

360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street;

yutkhag@gmail.com, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

Tolgurov Takhir Zeitunovich, Doctor of Philological Sciences, Head of the Scientific and Innovative Center "Intellectual Philological Systems", Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;

360002, Russia, Nalchik, 2 Balkarov street;

kangaur64@yandex.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6208-9678>

Krai Karina Faezovna, Junior Researcher, Scientific and Innovative Center "Intellectual Philological Systems". Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;

360002, Russia, Nalchik, 2 Balkarov street;

kraykarina@mail.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6927-7361>